

полита», в вину ставили даже мягкое произношение звука «л» как «подражание врагу народа Скрипнику».

Он и его жена, талантливый филолог Сарра Яковлевна Фрадкина, были подвергнуты унижительному публичному осуждению и изгнаны из университета как «прихвостни безродных космополитов». 60 писем и заявлений о приёме на работу, разосланные Львом Ефимовичем в университеты огромной страны, остались без ответа.

Случай свёл его в 1949 году с Александром Ильичём Букиревым, ректором Пермского государственного университета, который решительно поддержал Кертмана и принял его и

ОН И ЕГО ЖЕНА, ТАЛАНТЛИВЫЙ ФИЛОЛОГ САРРА ЯКОВЛЕВНА ФРАДКИНА, БЫЛИ ПОДВЕРГНУТЫ УНИЗИТЕЛЬНОМУ ПУБЛИЧНОМУ ОСУЖДЕНИЮ И ИЗГНАНЫ ИЗ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК «ПРИХВОСТНИ БЕЗРОДНЫХ КОСМОПОЛИТОВ»

Сарру Яковлевну на работу. Воистину счастливый случай для всех нас. Так Кертман и Фрадкина стали пермяками.

В 1957 году Лев Ефимович возглавил кафедру всеобщей истории, в 1961-м защитил докторскую диссертацию. Сотни научных статей, монографии, учебники, рецензии, лекционные курсы, доклады и выступления представляют собой статистическую сторону его достижений. «Неординарность мышления и широта исследовательских интересов», талант генерировать идеи, способность просто говорить о сложном — их глубинную и содержательную сторону.

И в Перми были свои тернии: в начале 1950-х годов Льва Ефимовича догнало эхо киевских преследований в виде пары гнусных статей и клевет; а в 1960–1970-е любой проверяющий из партийных структур мог заявиться на лекцию, чтобы выступить с претензией: то лектор использует непонятные слова, то цитирует классиков по памяти, то читает без конспекта. Лев Ефимович говорил об этом с юмором и находил свои способы «борьбы с идиотизмом», например, при проверяющем брал на лекцию первую подвернувшуюся под руку пачку бумаг, чтобы создать видимость чтения по конспекту. А в научных текстах, по меткому выражению Павла Юхимовича Рахшмира, умел «новые идеи... окутывать плотной цитатной оболочкой, чтобы новизна не слишком резала глаза».